

## АГРИППИНА ФЕДОРОВНА ТРУХАВАЯ

В 1932 г. — колхозница 53 лет, из д. Липовицы Кижского сельсовета Заонежского района, где жила с мужем, его двумя сыновьями, невесткой и внучками. Приветливая, общительная, очень скромная. В городах, кроме Петрозаводска, А. Ф. Трухавая не бывала. Грамоты не знала.

Былинным текстам А. Ф. научилась, по ее словам, еще лет девятнадцати, слушая, как дядя читал их по книге. Сам же дядя былин не знал. Много слыхала былин и в исполнении стариков, от которых переняла напев. Таким образом, на былинах ее сказало и влияние живой устной традиции.

Тексты А. Ф. Трухавая помнила твердо, могла и спеть и сказать словами. Но пела былины только для себя, за работой. При других петь стеснялась и знание былин держала в большой тайне. Называла их и «былинами» и «стүринами» и была убеждена в действительности изображенных событий. В семье никто, кроме нее, былин не знал.

Репертуар ее интересен тем, что содержит такие редкие в настоящее время былины, как «Михайло Потык», «Добрыня и Змей». Последняя, в исполнении А. Ф. Трухавой, так же как и былина о Дюке, отличается полнотой и стройностью композиции.

Кроме былин, А. Ф. Трухавой известны были старинные песни, протяжные и свадебные, сказки и духовный стих об Алексее, человеке божьем.

## БОЙ ДОБРЫНИ СО ЗМЕЕМ

- Как не белая ль берёза нагибаетцэ, —  
Сын со родной со матушкой прощаетцэ:  
«Дай прошеньице мне, благословленьице  
На Пучай–реку купатися
- 5 И окунуть–то мне тело богатырское во ручей». —  
«Но не дам тебе прощеньице–благословленьице:  
Как Пучай–река–то есть страховитая,  
Страховитая, сама угрюмая».
- Не послушался Добрыня родной матушки,
- 10 А пошол–то он на широкой двор,  
Выбрал он себе самолучшего жеребчека.  
Как седлал–то он его усёдлывал,  
Кладывал он туда подпруги крепкии,  
Чтоб в чистом полí конь спод седёлушка не выскочил,
- 15 Добра молодца Добрыню не выронил.  
Как поехал тут Добрыня Микитен сын,  
Днем–то еде он по красному по солнышку,  
Ночью едет по светлому по месяцу.  
А днечек за днечком, быдто дож дожжит,
- 20 А неделька за неделкой, что река бежит.  
Как приехал тут Добрыня ко Пучай–реки,  
Да скочил–то он со добра коня.  
Да уж стал он во Пучай–реки купатися,  
Как в краю ныркóм пойдёт, [к] другому вынырнет.
- 25 Уж как спомнил тут Добрыня родну маменьку:  
«Что сказала мне родна маменька,  
Что Пучай–река есть страховитая,  
А страховитая да угрюмая,  
А Пучай–река не страховитая,
- 30 Не страховитая, не угрюмая».
- И вдруг ни тёмные ведь теми призатемели:

Как летит к нему змеинище,  
Змеинище Горынище о шести хоботах.  
Вдруг увидела она Добрыню во Пучай–реки  
35 И схватила его со Пучай–реки.  
Как спомнил Добрыня родну маменьку:  
«А теперь пришла мне кончинушка!».  
Поглядел–то он по крутому по бережку,  
Как увидел шляпу подорожную,  
40 Эту шляпоньку подхватывал,  
Одной рукой он поганую захватывал,  
Другой рукой он подмахивал.  
И тут ему змея смолилоси:  
«Какой же ты, Добрыня брат,  
45 И так будь, Добрыня, братом большим,  
А я буду сестрой мёньшею,  
Чтобы не летать во святую Русь,  
Не носить в полон народу христианского,  
А тоби–то, Добрыня Микитен брат,  
50 Не ездить на гору Сорочинскую».  
Они тут с ею поразъехались,  
Поднималоси змея высоко под облаки,  
Да летела ведь она да на святую Русь,  
А там пошла–то княжеецкая племянница,  
55 Пошла с няньками да с мамками,  
Да гулять она пошла во чистó полé.  
Как увидела змея проклятая,  
Да низко она к земелюшке припáдала,  
Ухватила княжевецкую племянницу  
60 Да молоденьку Забавушку Путятичну.  
Ну как приехал он к родитель–матушке:

«Уж как дай–ка, дай, родитель моя матушка,  
Уж как дай мне прощеньице–благословеньице,  
Да сходить–то мне ко князю на почестен пир».  
65 — «Ай же, мое чадочко любимое,

Уж ты, дитяtko Добрынюшка Никитенец!  
Уж как ешь—жа ты дóсыти,  
Уж как пей—ка ты дóпьяна,  
А держи бесчётной золотой казны по нáдобью,  
70 Не ходи ты ко князю на почестен пир».   
Как не послушался Добрыня родной маменьки,  
А пришол—то он ко князю на почестен пир.  
Как пришол—то он ко князю на почестен пир,  
Выходил—то он 'тую ль во гридню во светлую,  
75 Крес ведёт да по писáному,  
А поклон ведёт да по учёному,  
Сам клонитце на вси на три сторонушки,  
А князю солнышку он кланятце на особину.  
Проводили гостя в место бóльшое,  
80 Да садили гостя за дубов за стол,  
Подносили гостю чару зелена вина.  
Уж как стал князь по горенке похаживать,  
Да стал он жолтыма кудёрками потряхивать:  
На кого мне наложить мне служебка не малая,  
85 Не малая мне служебка, великая?  
Кто ли съездит на тую гору Сорочинскую,  
Хто отыщет мне любимую племянницу  
И молоденьку Забаву дочь Путятичну?».   
Уж как старшии туляютца за средниих,  
90 А ведь среднии туляютца за меньшиих,  
А от меньшиих—то князю и ответа нет.  
А Вольга сказал таковы слова:  
«Ай же, князь Владимир стольно—киевский!  
Я знаю, на кого тебе наложить служебку не малая,  
95 А не малая ведь служебка — великая,  
На тово ли на Добрыню Микитенца.  
Он вчерашний день билсэ со змеёю со великою,  
Называласи змея сестрой меньшей,

Называла Добрыню братом старшим;

- 100 Он выпросит у змеи у великия,  
Он без бою, без драки, без кроволития».  
Князь говорил: «Ай же ты, Добрынюшка Никитенец!  
Поезжай–ка ты во гору Сорочинскую,  
Ты отыскивай молоденьку племянницу.
- 105 А не отыщешь ты молоденькой племянницы —  
Прикажу тебе, Добрыня, голову рубить».  
Закручинился Добрыня, запечалилсэ,  
Да пошел–то ко полатам белокаменным,  
Он ко своей ко родитель ко маменьки.
- 110 Как садилсэ он да за дубовой стол,  
Он склонил он свои очи ясныя  
Низко пónизку в кирпичной пол,  
Дак сидит, не словечком не промолвитца.  
Подходила к нему старая старушенька,
- 115 Стала молодца Добрынюшку выспрашивать,  
Стала молодца Добрынюшку выведывать:  
«Ай же, мое цадоцко любимое,  
Уж ты дитятко, Добрынюшка Никитич млад!  
Уж как место тебе в пиру было не почето,
- 120 Али чарочкой тебя по́ббнесли  
Али пьяница–дурак тебя по́ббозвал?».  
Говорил–то тут Добрынюшка Никитич млад:  
«Уж как место–то в пиру мне было почето,  
Уж как чарочкой меня не обнесли,
- 125 А наложил–то князь служебку не малую:  
Надо съездить на ту гору Сорочинскую,  
Да ко тым–то ко печнрочкам змеиным,  
Отыскать–то княжеецкую племянницу,  
А молоденьку Забавушку Путячечну».
- 130 И говорила тут Добрыне родна матушка:  
«Уж как богу–то молись да спать ложись.  
А ведь утро мúdo, а ведь день мудер пребыточне  
Уж как есь–то ведь у нас да дедков конь,  
Во назмý стоит да призарощенный».

135 Ну, Добрыня богу молилсэ и спать ложилсэ.

292

Как поутрушку вставал он ранёшенько,  
Умывалсэ он водою побелёшенько,  
Утиралсэ полотенцем он посушенько,  
Уж как шол–то он да на стоялой двор,  
140 Уж как дверь–то он оттудова повыломал,  
Уж как дедкова коня–то повытащил;  
Как седлал–то он его, усёддывал,  
Кладывал еще подпруги крепкия,  
Как не ради красы–босы да молодецкой —  
145 Только ради он укрепы богатырской:  
Чтобы добрый конь спод седёлушка не выскочил,  
Добра молодца в чистом поли не выронил.  
А подходила тут к Добрыне родна маменька,  
На понзде дала ведь Добрыне плёточку,  
150 Плёточку семи шелков,  
Как семи шелков да всяких разных:  
«Уж как станут змеёнуши ноженьки подтачивать,  
А не станил твой добрый конь подскакивать, —  
Ты хлещи промеж уши да промеж заднии ног!».  
155 И отправляла тут Добрыню родна матушка  
В дальнюю дорожку распечальную,  
В распечальную она да в страховитую.  
Как поехал тут Добрыня Микичий брат,  
Днём–то еде он по красному по солнышку,  
160 Ночью едет он по светлому по месяцу,  
Уж как дёнечек за дёнечком, будто дож дождит,  
А неделька за неделкой, что река бежит.  
Как приехал тут Добрыня Микитен брат  
На ту гору Сорочинскую,  
165 Как тут стали змеёныши подтачивать,  
Тут не стал–то его добрый конь подскакивать,  
Уж как вспомнил тут Добрыня родну матушку,  
И спомнил плёточку Добрыня эту шолкову.

Как уж стал хлестать промеж ушей, промеж задних ног,  
170 Тут уж стал его добрый конь подскакивать,  
Да стал–то он змеёнышей притаптывать,  
Притоптал их всех до единого.

293

Ну как потом скочил да со добра коня,  
Уж как ладит итти ко печнрам ко змеиным,  
175 И как вдруг летит Змеинище Горынище,  
Как несёт–то в хоботах–то тело мёртвое.  
Увидала вдруг Добрыню Микитенца,  
Упустила с хоботов да тело мёртвое:  
«Ай же ты, Добрыня Микитен брат!  
180 Положили заповедь великую,  
Что не ездить тебе на гору Сорочинскую,  
А ты приехал на нашу гору Сорочинскую,  
Притоптал тут всех моих детёнышей».  
— «Ай же ты, сестричушка названая!  
185 Я ли тут положил заповедь великую,  
Аль сама–то ты, змея проклятая.  
А с тех–то походусечек великих  
Да ты литела да прямо на святую Русь,  
Да унесла–то ты княжевецкую племянницу,  
190 А молоденьку Забавушку Путятичну.  
Дак ты отдай–ка мне Забавушку Путятичну,  
Ты без бою–то без драки, без кроволития».  
— Ни отдам тебе княжевецкой племянницы.  
Притоптал ты всех моих детёнышей».  
195 Похватила она тут Добрынюшку,  
И стали оны тут со змеёю битыцэ–ратитьцэ.  
Уж как вспомнил тут Добрыня родну матушку,  
Вспомнил плёточку семи шелков,  
Уж как левою рукою поганую захватывал,  
200 Стал хвыстать–то он змею проклятую,  
Похлыстал–то он её на мелкие на часточки.  
И он билсэ с нею, ратилсе

Не много–то не мало — трое суток,  
А стоял в змеиной крови трое сутоки.

205 А потом–то говорил Добрынюшка Микитенец:

«Расступись–ка ты, мать сыра земля,  
Не на много, не на мало — на три четверти,  
Обери–тка ты всю кров поганую».

Потом пошел тут Добрынюшка Микитен брат

294

210 Да ко тым–то ко печёрам ко змеиным:

Там задёрнуто заслонама–то меднома,  
Да подпёрто подпорама железнома.  
Уж как железные подпоры он прочь отбрасывал,  
Да уж медные заслоны он прочь отдёргивал.

215 Там уж несколько сидит царей–царевичей,

Там ведь несколько князей–князевичей,  
Там ведь несколько могучиих богатырей,  
Прочеей–то силы так и сметы нет.

— «Уж как ай же вы вси цари–царевичи,

220 Уж как ай же вы вси князи–князевичи,

Да сильнии могучии богатыри!  
Уж как подьте же вы вси на вольну волюшку,  
По своим по сторонам, да по своим домам!».

Только нету тут Забавушки Путятичны.

Прошел туды дальше, она на стену прибита, не мертва, а издевленность над ней.

225 «Уж какая же ты, Забавушка Путятечна,

Из–за тебя я ездил–странствовал,  
Из–за тебя я со змеёй ратился,  
Из–за тебя я пролил кров поганую».

Ну как садил–то он ю да на добра коня,

230 Да повёз ко городу ко Кееву,

Да ко тому ко князю ко Владимиру.  
— «Ай же ты, Добрыня Микитенец брат!  
За твою за служобку великую  
Назвала бы я тебя желанным дядюшкой,



- 235 Мне назвать тебя так и не мочи.  
Ай же ты, Добрынюшка Микитенец брат!  
За твою за служобку великую  
Назвала бы тебя братиком родимым —  
Мне назвать тебя так и не мочи».
- 240 Как привёз-то он ко князю ко Владимиру:  
А подъезжает к полатам белокаменным,  
Как стречает-то ево родитель-матушка.  
Говорит Добрынюшка Микитенец:  
«Уж какая ты, родитель родна матушка,
- 245 Дай прощеньице ты мне благословленьица  
Сходить ко князю на почестен пир».  
— «Уж какой моё чадушко родимое,  
Уж как пей, Добрыня, ты дóпьяна,  
Уж как ешь-ко ты, Добрыня, дóсыта,
- 250 Не ходи-ка ты ко князю ко Владимиру!».  
Не послушалсэ Добрыня родной матушки,  
А пошол-то он ко князю на почестен пир.  
Как зашол-то он во тую гридню светлую,  
Во столовую во новую во горничку,
- 255 Крес ведёт да по писаному,  
Поклон ведёт да по учёному —  
Сам клонитцэ на вси на три сторонушки,  
Князю-солнышку он клонитца в особицу.  
Как проводили гостя в место бóльшее,
- 260 Да садили гостя и за дубов за стол,  
Подносили гостю чару зеленá вина.  
Говорит-то князь Владимир стольно-киевской:  
«Уж как ай же ты, Добрынюшка Микитенец!  
За твою за служобку великую,
- 265 За твою за служобку не малую  
Ты торгуй у нас во Кееве  
Века пó веку и века дó веку».  
Уж как про Добрыню старинú поют

Морю тихому на утѣшение,  
270 А добрым людям на послушание.

## ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Как не белая берёза нагибаетца,  
 Сын со родной со маменькой прощаетца,  
 А с чесной вдовой Омелфой Темофеевной:  
 «Уж как дай-ка дай, родитель родна маменька,  
 5 Дай прощеньица мне-ка благословленьица  
 Уж как съездить-ка мне-ка Дюкушку во Кеев-град

296

Поглядеть-то мне-ка князя со княгиною.  
 Как везде-ка я Дюк побывал,  
 Не бывал только во Киеве,  
 10 Не видал-то я князя со княгиною».  
 — «Как не дам тебе прощеньица-благословленьица  
 Уж как ехать тебе Дюкушке во Кеев-град:  
 Как до Кеева три заставы великих,  
 Перва застава есть горы поталкучии,  
 15 Друга застава есть змеи поклевучии,  
 Третья застава есть птицы поедучии,  
 — Уж как тут-то тебе Дюку не проехать».  
 — «Уж как этим-то меня не уговаривай.  
 Дашь прощеньице — поеду я,  
 20 Ай не дашь прощеньице — поеду я».  
 — «Уродилось моё дитячко заносливо,  
 Ты заносливое дитячко, захвастливоё.  
 Уж ты хвастаешь животнишкамы сирощикама,  
 А во Кееви-то люди все слухавые,  
 25 Изведут тя Дюка ни за денежку».  
 Уж как шол-то он на стоялый двор,  
 Выберал-то он самолучшего жеребчека,  
 Как седдал-то он его усёдывал,  
 Кладывал-то он подпруги крепкии,  
 30 Как не ради красы-босы молодецкой,  
 Только гля-ради укрепления богатырской,  
 Чтобы добрый конь спод седлушка не выскочил,  
 Добра молодца в чистом полі не выронил.

Выводил коня да со стоялого,  
35 Привезал коня ко столбу да ко точёному,  
Ко кольчу коня да к золочёному.  
Отошол–то он ведь прочь, да всё дивуется:  
«Ах ты, мой ли ты конь али лютый зверь?».  
Только видли оны молодца вед сядучи,  
40 А не видли оны молодца поедучи.  
Как поехал ведь боярин Дюк Степанович,  
Положил–то он заветы крепкии,  
Что дома–то стоял заутрену,

297

А во утро–то поспеть во Кеев–град, к обеденке.  
45 Как приходит–то перва застава великая:  
Пришли горушки да тут да поталкучии.  
Только горушки растолнулись не столнулись,  
Все ли горушки–то бурушка проскакивал,  
Все ли маленький косматенький провёртывал.  
50 Берега–то все озёра промеж ног спускал,  
С горы на́ гору да с холма на́ холму.  
Друга́ застава приходит да великая:  
Пришли птиченьки да тут да поедучии.  
Не успели птицы крылушков расправлявать,  
55 Все ли бурушка–кабурушка проскакивал,  
Маленький косматенький провёртывал,  
Берега–то вси озёра промеж ног спускал  
С горы на́ гору, с холмы на холму.  
Третья застава приходит–то великая:  
60 Пришли змеи–то да поклевучии.  
Не успели змеи хобутов расправлявать,  
Все ли бурушка–кабурушка проскакивал,  
Маленький косматенький провёртывал,  
Берега–то вси озёра промеж ног спускал,  
65 С горы на гору да с холмы на холму.  
Тут приехал ведь боярен Дюк Степанович  
Да уж еде прямо на княженецкой двор.  
Привезал коня к столбу он ко точёному  
Да к кольчу коня он к золочёному,

- 70 Проходил во тую гридню во светлую,  
 Во столовую во новую во горничку.  
 Крес ведёт да по писаному,  
 Поклон ведёт да по учёному,  
 Сам клонитце на две, на три на сторонушки,  
 75 Княгине–солнышку он клонитце в особичу:  
 «Ах ты здравствуешь ли ты да рукомойница!».  
 — «Ай же ты, захопина боярская,  
 Запитуниха ты деревенская!  
 Княженецкую жену да называешь рукомойницей!».  
 80 — «В этом ты на меня не прогневайся,

298

- Как во нашей во Индии да во богатой,  
 Во той во Галичи во проклятой,  
 Как у моей у родитель у маменьки  
 В этаких платьях ходят рукомойницы.  
 85 А гди же князь Владимир стольно–кеевской?».  
 — «А князь Владимир к обедне ушол».  
 Он тут назад и поворот держал,  
 Шол во черковь божию.  
 Как пришол во черковь божию,  
 90 Крес ведёт да по писаному,  
 Поклон ведёт да по учёному,  
 Сам клонитце на две, на три сторонушки.  
 Князь Владимир стоит на правом крылосе,  
 А Самсонушка Самойлович на левом крылосе.  
 95 Отошла–то ранняя обеденка,  
 Подходил к нему князь Владимир стольно–кеевской,  
 Подходил к нему Самсонушка Самойлович,  
 Стали молодца выпрашивать,  
 Стали молодца выведывать:  
 100 «Ты с какой земли да с какой орды,  
 Ты коёва отча да коёй матушки?».  
 — «Уж я есь со той со Индии богатой,  
 Да со той со Галичи проклятой,  
 Да чесной вдовы Омелфы Тимофеевны,  
 105 Я приехал поглядеть да князя со княгиною,

Ехал я дорожкой прямоезжейей,  
 А домо–то стоял у заутренней,  
 А во Кеев–град поспел к обеденке».  
 Говорит Самсонушка Сомойлович:  
 110 «Во глазах собака насмехаетца:  
 Прямой дорожкой прямоезжейей  
 Есь три за́ставы великиих».  
 Так пошли оны по городу по Кееву.  
 Как идёт–то ведь боярин Дюк Степанович,  
 115 На сапоженьки он идёт да всё поглядыват,  
 С ноженьки на ноженьку выступыват,  
 С плечика на плечико посматриват.

299

И говорит–то тут Самсонушка Самойлович:  
 «Во глазах собака насмехаетца —  
 120 Он убил каково–то боярина,  
 Уж как снял с него да цветна плачьича,  
 Да в тых платях ходит здесь да выхваляетца».  
 И говорил–то тут боярин Дюк Степанович:  
 «Этым, князь, да ты на меня не прогневайся,  
 125 Говорили Киев–град в чести в добри,  
 А во Кееве да всё да не по нашему:  
 Как во нашей во Индии богатой,  
 Во той ли во Галичи проклятой,  
 Как у моей у родитель у маменьки  
 130 Принастланы мосточки дубовые,  
 Кладены наручники калиновы,  
 Принас[т]ланы суконочки бархатны,  
 Как идёшь–то — ведь сапожка не грізнятцэ,  
 А не грізнятцэ, а только чистятцэ».  
 135 Ну как пришли они на княженецкий двор,  
 Как пришол–то тут Дюк Степанович:  
 «Ай же мой ты бурушка–кабурушка,  
 Уж какой же ты мой богатырской конь,  
 Не хотел ты ись пшены да белояровой,  
 140 А тут насыпано овсишко зяблого».  
 Приводили гостя в гридню светлую,

Во столовую во новую во горенку  
 Да садили гостя за дубов за стол,  
 Уж как стал–то гостюшко колачики метать.  
 145 Уж как верхнюю–то корочку на стол кладёт,  
 А ведь нижнюю корочку под стол мечет,  
 А мякишко только скушает.  
 Подходил к нему Самсон Самойлович:  
 «Уж как што же ты, боярин Дюк Степанович,  
 150 Верхнюю корочку на стол кладёшь,  
 Нижнюю–то корочку под стол мечешь,  
 А мякешку только кушаешь?».  
 — «Этым, князь, ты на меня да не прогневайсе:  
 Говорили — Кеев–град во чести–добри,

300

155 А во Киеве да всё да не по нашему:  
 Как во нашей во Индии богатой,  
 Да во той во Галичи проклятой,  
 Да у моей родитель–маменьки  
 Уж как бочечки ести ведь дубовыи,  
 160 Обручики золочёныи.  
 Уж как там у нас и колачи месят,  
 А печеньки у нас изразцёвыи,  
 Помялышки у нас да ведь шелкóвые,  
 А уж там у нас и колачи пякут,  
 165 Как калачик съешь — другово хочитце,  
 Другой съешь — по третьему душа горит,  
 А третий съешь — четвёртый вон с ума нейдёт.  
 А не так, как у вас во Кееви!  
 У вас здесь во Киеви  
 170 Бочечки–то есь сосновые,  
 Обручики–то есь еловые,  
 А уж там у вас калачики месят,  
 А печеньки кирпичныи,  
 А там у вас и колачи пякут».  
 175 Подносили гостю чару зелена вина.  
 Половину расплескал он по горенке,  
 А другую за окно вылил.

- «Этим, князь, ты на меня не прогневайся.  
Говорили Киев–град в чести в добри —  
180 Как во той ли во Индии богатой,  
Да во той ли во Галичи проклятой,  
Как у моей родитель–маменьки  
Да бочечки–то есте ведь дубовые,  
Да обручки везде да золочёные.  
185 Да уж там у нас и вино держитцэ.  
Чару выпьешь, — губыньки слепаютцэ,  
Другу выпьешь — по третьей ведь душа горит,  
А третью выпьешь, — а четвёрта вон с ума нейдёт.  
А не так, как у вас во Киеви.  
190 А во Киеви у вас бочечки сосновыи,  
А обручки еловыи,

301

- Там у вас и вина держатца».  
Подходил к нему Самсонушка Самойлович:  
«Да какой же понаехал богатырь Дюк Степанович,  
195 Что ничим ево не мочи уштрафити.  
Уж как станем–ка битыцэ о велик заклад,  
О велик заклад да на три годичку,  
Ходить во черьков божию,  
У которого лучче одёжа будет,  
200 Которой которово перефарщивеет».  
Говорил–то тут боярен Дюк Степанович:  
«А тиби просто, Самсон Самойлович,  
Битыце о велик заклад.  
Сам–то ты прі доми, да и одёжа у тя прі доми.  
205 А у меня платьев что на сиби,  
А хлеба что и в брюхе».  
Ну побился он с Самсоном о велик заклад,  
О велик заклад да на три годичку.  
И сел–то он ко столичку дубовому,  
210 Да писал–то он скоропивчатую грамотку,  
Он ко своей ко родитель ко маменьке:  
«Ай же ты, родитель моя маменька,  
Уж мы бьёмся со Самсоном о велик заклад,



О велик заклад на три годичку,  
 215 Чтоб ходить нам в черьков божию,  
 Штобы кажин день было бы платье сменное,  
 Платье сменное, платье цвнтное,  
 Штобы лучче того цвету не было».

И шол он на стоялой двор,  
 220 Заседал он бурушку–кавурушку:  
 «И ты бежи–тка, бурушка–кавурушка,  
 И мой ты богатырской конь,  
 Ты ко своим бежи любимым конюшенкам,  
 Да зарычи–ко там да ясным ісыком,  
 225 Ясным ісыком да ясным соколом».

Как прибежал бурушка–кавурушка  
 Ко своим ко любимым конюшенкам,  
 Зарычал да ясным ісыком,

302

Ясным ісыком да ясным соколом.  
 230 Как услыхала Омелфа Тимофеевна  
 Да побежала ведь она да на стоялый двор:  
 «Ай же, мое чадушко любимое,  
 Боярин Дюк Степанович,  
 Решил–то он верно младую головушку —  
 235 Прибежал только бурушка–кавурушка».

Стала бурушка рассёдлывать,  
 Увидала скоропивчатую грамотку,  
 Скоро взяла распечатала:  
 «Уж как ай же вы, мои слуги верные,  
 240 Как кормите коня да скоро на́скоро,  
 Скоро на́скоро, да сыто на́сыто!».

А сама взяла да золоты ключи,  
 Да пошла одёжицы налаживать,  
 Одёжу всю на три года собрала,  
 245 Заседлала коня и отправила.  
 Прибежал–то конь на княженецкой двор,  
 Зарычал–то он да ясным ісыком,  
 Ясным ісыком да ясным соколом.  
 Выходил–то тут боярин Дюк Степанович,

250 Расседлал–то он бурушку–кавурушку,  
 Вынимал всю одёжу драгоценную.  
 Ну и стали тут они с Самсоном Самойловичем  
 Ходить во церьков божию.  
 Не может перефорсить Самсон Самойлович Дюка

Степановича

255 Уж по третий год и по последний день  
 Надо притти во церьков божию,  
 Уж как кто ково пернфорсит,  
 У которого одёжа будё лучше.  
 Стоит боярин Дюк Степанович на правом крылоси,

260 Самсон Самойлович на левом крылоси.  
 А как пришол князь Владимир стольно–киевской,  
 Поглядел–то он на Самсона Самойловича:  
 У Самсонушка Самойлова. . . .<sup>1</sup>

303

.....

Как стоит боярин Дюк Степанович,

265 Да у него одёжа на сиби вся драгоценная  
 Во лби–то пекёт да красно солнышко,  
 По косицам у него часты звёздочки.  
 Как поглядел–то князь Владимир стольный–киевский:  
 «Уж как ай же ты, боярин Дюк Степанович,  
 270 Перефорсил–то ты Самсонушку Самойлово».

Походит опять Самсон Самойлович к Дюку  
 Степанову:

«Ай же ты, боярин Дюк Степанович,  
 Уж как станем битыце о велик заклад,  
 О велик заклад, да о буйных головах,

275 Што которой на Пучай–реки  
 С конём угодит, тому и голова рубить».  
 Говорит–то тут боярин Дюк Степанович:  
 «Ай же ты, Самсон Самойлович,  
 Тебе просто битыце о велик заклад,

280 Как ты сам–то есте прú доми,  
 Да и конь–то прú доми».

<sup>1</sup> Описание одежды забыла. — Примеч. собирателя.

- Но всё–таки побились о велик заклад,  
О велик заклад да о буйных головах,  
Што которой о Пучай–реки с конём упадёт,  
285 Тому и голова рубить.  
Уж как шол–то тут боярин Дюк Степанович,  
Да шол–то он на княженецкой двор:  
«Уж как ай же ты, мой бурушка–кавурушка,  
Уж как билися мы с Самсоном о велик заклад,  
290 О велик заклад да о буйнѣх головах:  
Который на Пучай–реки падёт с конём,  
Тому и голова рубить».  
Конь прогóворил ему голосом человечиим:  
«Што я не паду, а Самсонов конь падёт».  
295 Стали собиратьце вси к Пучай–реки,  
Вси князья, бóяра,  
Вси сильныи могучи богáтыри,  
Стали говорить: «Поезжай, боярин Дюк Степанович.  
Тебе наперёд ехать».  
300 Он говорил, что Самсон наперёд побилсэ,  
Ему и ехать надобно.  
Ну, поехал Самсон Самойлович  
В чисто поле коня разганивать,  
Разганивать, расхлыстывать.  
305 А боярин Дюк Степанович  
Прямо с кру́та да с бѣрежка.  
А Самсон Самойлович осередь Пучай–реки  
С конём и сел,  
А боярин Дюк Степанович  
310 Скорее он поворот держал.  
Захватил он за волосы на берег и вытащил.  
Говорил–то тут боярин Дюк Степанович:  
«Ай же ты, князь Владимир стольно–киевский,  
Нам которому с Самсоном голова рубить?».  
315 Говорил–то князь Владимир стольно–киевский:  
«Ай же ты, боярин Дюк Степанович,  
Оставь–ка нам Самсона хоть на смена.  
Тибѣ, Самсон Самойлович,  
Не с богатырем битьце о велик заклад,

- 320 А с киевскими бабами.  
За какой же богатырь поехал Дюк Степанович?  
А поедемте-ка его животов описывать!».  
Трёх человек выбрали туды  
Животов описывать.
- 325 А боярин Дюк Степанович осталсэ в городе Кееви.  
Бумаги взяли на три годá,  
Ехали три месича.  
Приехали, зашли они во гридню во светлую,  
Во столовую во новую во горенку:
- 330 Крес ведут по писáному,  
Поклон ведут по учёному,  
Кланятце Дюковой матушки в особичу.  
— «Я не Дюкова есь матушка,  
А Дюкова рукомойница».
- 335 Потом оны ащэ прошли:
- Крес кладут по писáному,  
Поклон ведут по учёному,  
А Дюковой матушки в особичу.  
— «Я не Дюкова есь матушка,
- 340 А я Дюкова есте стольнича.  
Ой еси, молодчики!  
Понапрасно zde вы ходúте-ка,  
Понапрасно спин не ломайте-ка.  
Много Дюковой прислуги есь,
- 345 А Дюкова матушка к обедни ушла,  
Вы и подьте, молодчики:  
Пойдут там лопатники,  
За лопатникамы пойдут метельники,  
За метельниками постельники,
- 350 Пойдут потом красны девушки дорожку постилать,  
А потом поведут Дюкову матушку».  
Ну оны и пошли к черквы божьей, стали там.  
Пошли тут лопатнички,  
За лопатничками метельнички,
- 355 За метельничками постельники;

А потом пошли красны девушки дорожку  
настилают,  
А потом идёт Дюкова матушка:  
Одёжа вся на сиби драгоценная.  
Они ей поклонилися:  
360 «Здраствуешь, ведь Дюкова ли матушка,  
Тебе сын низко кланялсэ,  
А мы приехали ваших животов описывать».  
— «Ай же вы, молодчики прохожии,  
Вам не долго наши сирочни животы описывать».  
365 Приводила ведь она их во гридню во светлую,  
Во столовую во новую во горничку,  
Да садила она за дубов за стол.  
Уж как стали оны калáчки метать:  
Как калачик–то съедят, то другого хочетце,  
370 Другой съедят — по третьему душа горит,  
А третий съедят — четвёртой вон с ума нейдёт.

306

Подносила им по чары зеленá вина:  
Как чарку выпьют — губоньки слипаютце,  
Другу выпьют — по третьей ведь душа горит,  
375 Третью выпьют — четвёрта вон с ума нейдёт.  
Взяла тут она да золоты ключи,  
Повела их животов описывать.  
Завела она их в конюшенки,  
Дак не могли оны не только жеребцов повыписатьъ,  
380 Дак и глазами–то повысмекасть;  
Завела в погреба глубокии,  
Опять не могли записать никак;  
Потом оны сказали ей:  
«Нам как здесь твои сироцки животы описывать,  
385 Дак надо свой век коротать.  
Нонь пондем во Кеев–град».  
И на понзде им сказала Дюкова матушка:  
«Што на бумагу–то кладите весь Киев–град,  
Весь Киев–град да весь Чернигов–град,  
390 А по́што приезжайте моих животов описывать».

Приезжают послы во Кеев–град  
Да ко князю ко Владимиру:  
«Ай же ты, князь Владимир стольно–киевский!  
Коли нам Дюковы животы описывать,

395 Да там надо и век коротать.

А нам на поезде сказала Дюкова матушка:  
«Што на бумагу–то кладите весь Кеев–град,  
Весь Кеев–град, да весь Чернигов–град,  
А пошто приезжайте животных моих сиротских  
описывать».

400 Говорил–то князь Владимир стольно–киевский:

«Уж какой же ты, боярин Дюк Степанович,  
За твою похвальбу великую  
Ты торгуй у нас век по веку,  
Да век и до веку».

405 Уж как тут ли про Дюка старину поют

Морю тихому на утишение,  
Добрым людям на послушание.

## МИХАЙЛА ПОТЫК

- Жил Михайло Пóтык сын Иванович,  
Пил он горькое зеленó вино,  
Гди полкружкой, а гди целой кружкой,  
Гди полуведром, гди целым ведром.
- 5 Говорил ему князь Владимир стольно–киевской:  
«Уж как съезди, Михайло, ко синю морю,  
Настреляй–ко мни малых серых уток,  
Самоплавных белых лебёдушек».
- Садился Михайло Пóтык сын Иванович на добра коня
- 10 Да поехал он ко синему ко морюшку,  
И настрелял–то малых серых уток,  
Самоплавных белых лебёдушек.  
Только ладит лишь Михайло на коня скочить,  
А как плывёт–то в золотой–то клеточке лебедь белая.
- 15 И ён только лишь хотел ю застрелить стать,  
А объявилась она красной девицей:  
«Не стреляй миня, Михайло Пóтык сын Иванович!  
А я лучше за тебя замúж пойду».
- И он садил ю на добра коня
- 20 Да и повёз ко городу ко Киеву,  
И начинает целовать в уста сахáрнии,  
Говорила лебедь белая:  
«Не целуй меня, Михайло Пóтык сын Иванович!  
У меня сейчас уста поганьи.
- 25 И свези меня во Кеев–град,  
Окрести–ка, оомолитви–ка,  
И поцелуессе тогда в уста сахáрнии».
- Как приехал он ко городу ко Кееву,  
Да ко князю ко Владимиру:
- 30 «Ай же, князь Владимир стольно–киевский!  
Настрилял я тебе да малых серых уток,  
Самоплавных белых лебёдушек.  
Да ащн сиби я невесту нашол».
- Тут уж ю окрестили–оомолитвили,

- 35 Дали имя Мария Лебедь Белая,  
Лебедь Белая Лиходеевна.  
И полóжили оны заповедь великую:  
Который наперёд умрёт,  
Другому живому в гроб лечь на три месича,  
40 Закопать и протянуть туда веревкамы.  
Как три месича пройдёт да если живыи там,  
Дак зазвенить.  
Стал ходить Михайло Пóтык сын Иванович  
Опять пить горько зеленó вино,  
45 Гди полкружкой, а гди целой кружкой,  
Гди полуведром, а гди челым ведром.  
Тут говорила Лебедь Белая:  
«Потешу же Пóтыка Иванова!»  
Уж как с вечера она да пораздúрилась,  
50 Ко полуночи она порасхвóрилась,  
А ко утрушку она преставилась,  
Ну пошли искать Михаила Пóтыка Иванова,  
Пришли во царев кабак,  
Сидит он пьёт горько зеленó вино.  
55 — «Ай же ты, Михайло Пóтык сын Иванович!  
«Ты пьёшь да проклаждаессе,  
А победушки над собой не вндаешь:  
Как твоя–то Лебедь Белая  
С вечера она да пораздúрилась,  
60 Ко полуночи она порасхвóрилась,  
А к утрушку она преставилась».  
Как скочил Михаила на резвы ногv:  
«Што ж–то это за ребята мне беда пришла!  
Надо жíву с мёртвой вó гроб лечь.  
65 Делайте мне гроб, штоб можно было  
Там и сесь и лечь и стать».  
А сам–то шол он во кузничу,  
Ковал прутья железные,  
Други ковал медныи,  
70 А третьи ковал оловянныи.  
И брал ён хлеба туда на три месяча,



- Взял свечек ён туды на три месяча.  
Похоронили тут ево,  
Стал он сидеть, у стола писать.
- 75 Только дело во́ полночь пришло,  
Как приплыла ко́ гробу змея подземельная,  
И раз она лизнула и другой,  
А третий она лизнула и сама в гроб зашла.  
Как скочил Михайло на резвы ноги,
- 80 Брал ю в клещи проклятые  
И стал хвыстать прутьями железныма,  
И расхвыстал вси прутья железные.  
Принимаетче за прутья медныи,  
Расхвыстал вси прутья медныи.
- 85 И принимаетце за прутья оловянныи.  
И тут змея ему смолиласи:  
«Ты спусти, Михайло Пóтык сын Иванович!  
Я схожу ко синю морю,  
Принесу тиби воды живой и мёртвоей.
- 90 Он не спущал ю, потом она дала  
Своих детёнышей в клещи,  
А сама пошла ко синю морю,  
И принесла она ему живой воды и мёртвоей.

Тут я не знаю, как он оживил ю, и заgrimел в колокола — веревку задёргал. И сбежались вси братчики его названьи: «Верно приходит Михайлу Пóтыку кончинушка! И стали оны ево разрывать с земли. Разрыли, выходит Михаила Пóтык сын Иванович

- Со своею с Марьей Лебедь Белоей.
- 95 И опять стал ходить Михайло Пóтык сын Иванович,  
Стал опять пить горько зеленó вино,  
Гди полукружкой, а гди целой кружкой,  
Гди полуведром, гди целым ведром.

Потом уж тут не знаю, долго ли оны жили. Потом он помер сам, да как похоронили их вместе, прошло три месяча, оны ни звонили, верно так и померли.

## КОВЁР ЕДИНОВИЧ

- Как во том во городе во Киеви,  
Да у ласкового князя у Владимира  
Начинался пир да на двенадцать дней.  
Аще вси да на пиру да наедались,  
5 Аще вси да на пиру да напивались,  
Аще вси на пиру порасхвастались.  
Умной хвастал отчом–матушкой,  
А безумный хвастал молодой женой.  
Хто ли хвастает именем–богачеством,  
10 Хто ли хвастает бесчётной золотой казной,  
Хто ли хвастает своим добрым конём.  
А лишь Ковёр Единович  
Только тот сидит ничим не хвастает,  
— «Што же ты, Ковёр Единович!  
15 Ты сидишь только ничим не хвастаешь?».  
— «Ой мни нечем против вас похвастовать:  
Мни похвастать ни похвастать отчом–матушкой —  
Отча–матушки у меня в живу нет.  
Мни похвастать ни похвастать золотой казной —  
20 Золотой–то казны у миня zde нет.  
Мни похвастать ни похвастать именем–богачеством —  
У меня тово zde нет.  
А похвастать ни похвастать молодой женой.  
Молодой женой Настасьей королевичной:  
25 «Она всих–то вас продас–выкупит,  
А тебя–то князя с ума сведёт».  
Уж как это слово не в любов пришло.  
«Ах вы подьте–ко, мои слуги верные!  
Да тащите–ка Ковра Единова,  
30 Засадите ево в место крепкоё,  
Не на много не на мало — ровно на шесть лет».  
Как прознала тут Настасья королевична,

Стала с горенки на горенку похаживать,  
Стала женским кудерками потряхивать:

311

- 35 «Мни денгамы–то ведь стать ево не выкупить,  
Мни людямы стать ево не выпросить,  
Будё выкуплю — не выкуплю,  
Буде выпрошу — не выпрошу,  
Уж я своей женской догадочкой.
- 40 Ну подите–ко, слуги верныи.  
Отсекайте жёлтыи кудёрушки,  
Да несите–ко мужьи цвётны платьца,  
А я поеду от собаки Кáлина  
Сватать княженецкую племянницу».

Ну, она туды и поехала, где эта племянничка. Она там взяла каких ни людей да там шатры раскинула, да князю послала людей, што примет ли гостей? И он туды приехал, стал сватать ю. И невеста говорит:

- 45 «Ниразумной ты, дядюшка,  
Что неумной ты, мой дядюшка,  
Хочешь выдати дёвицу за женщину.  
Как походочка ведь естя у ней женьская,  
Пальчики–то естя у ней женьскийи».
- 50 Говорит Владимир стольно–киевской:  
«Я пойду аще посла да попроведаю».  
Дак вышли тут уж на широкий двор,  
Дак борьбу подняли.  
Возьмёт в одну руку троих, в другу троих,
- 55 Всих бросает в разны стороны.  
А потом в поле пошли, кольцо наставили,  
Стрелочку в кольцо пропускали,  
Никто так не мог, она всё пускала.  
Больше он не стал племянничу спрашивать.
- 60 А стал просватывать.  
Тут уж пошел у них весёлый пир.  
Надо итти во божью черьков,

Принимать да по злату венчу.  
Как посёл–то тут невесел стал,  
65 Стали ево тут выпрашивать.  
— «Мни такие надо загусельщики,

312

[Как Ковёр Единолич]». — «Коль не дать Ковра — разгневить посла,  
А дать Ковра — не видать Ковра». Уж согласился он дать Ковра.  
70 Привели на пир Ковра.  
Гусёлышки он стал поваживать  
Да развеселил уж всех.  
Князь сказал: «Ай же ты, Ковёр Единолич!  
Знал же ты похвастать молодой женой.  
75 Она всех–то продала и выкупила,  
А меня–то князя ведь с ума свела».

*(Так значит, как уж знала сделать, мужа уж и не посадили боле).*

313